

УДК 304.5

DOI: 10.31857/S0869049924010014
EDN: RVKVGW

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original article

Развитие в ретроспективе: историко-феноменологический анализ

© А.В. ШИПИЛОВ

Шипилов Андрей Васильевич, Воронежский государственный педагогический университет, (Воронеж, Россия), andshipilo@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8885-2157

Статья посвящена развитию как понятию и явлению в исторической ретроспективе. Развитие в его современном понимании стало наблюдаемым фактом и осознанной идеей не ранее второй половины XVIII в. Как показывают результаты анализа данных по Средневековью, Древнему миру и эпохе первобытного общества, развитие редко присутствует в истории и практически отсутствует в доистории. Наметившиеся тенденции в мировой экономике и демографии позволяют говорить о снижении темпов роста и замедлении развития. Уподобление в этом отношении постмодерна пре-модерну способно вывести развитие из числа значимых ценностей и целей общества, так что встает вопрос о возможных его альтернативах.

Ключевые слова: развитие, понятие, явление, модерн, премодерн, постмодерн, Средние века, Древний мир, первобытное общество

Цитирование: Шипилов А.В. (2024) Развитие в ретроспективе: историко-феноменологический анализ // Общественные науки и современность. № 1. С. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049924010014, EDN: RVKVGW

Development in Retrospect: Historical-Phenomenological Analysis

© A. SHIPILOV

Andrey V. Shipilov, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia), andshipilo@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8885-2157

Abstract. The article is devoted to development as a concept and phenomenon in historical retrospect. Attention is drawn to the fact that development in its modern understanding became an observable fact and a conscious idea no earlier than the second half of the 18th century. The deeper we look into history, the less development we see in it as a phenomenon and concept ranging from technology to ideology. The analysis of data on the Middle Ages, the Ancient World and the era of primitive society shows that development is rarely present in history and is practically absent in prehistory. The emerging trends in the global economy and demography suggest a decline in growth rates and a slowdown in development. In this regard, the likening of postmodernity to premodernity in the future can remove development from the number of significant values and goals of society, so the question arises about possible alternatives.

Keywords: development, concept, phenomenon, modern, premodern, postmodern, Middle Ages, Ancient world, primitive society

Citation: Shipilov A.V. (2024) Development in Retrospect: Historical-Phenomenological Analysis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049924010014, EDN: RVKVGW (In Russ.)

Происхождение понятия и перспективы явления

Метафора развития, понимаемого как необходимое направленное, необратимое увеличение / усложнение / улучшение, в современном словоупотреблении настолько распространена, что рассматривать ее извне непросто. Согласно советскому лингвисту В.В. Виноградову, русское слово «развитие», калькирующее немецкое *Entwicklung*, французское *développement* и в конечном счете латинское *evolutio*, относилось к косам, веревкам и венкам и вплоть до конца XVIII в. означало разматывание, раскручивание и рассучивание. Семантика расплетения воспринималась однозначно вплоть до середины следующего столетия, диссонируя с новым отвлеченным значением увеличения, приумножения и раскрытия; «развитие» резало слух А.С. Шишкова и служило предметом иронии И.С. Тургенева [Виноградов 1999, 588–590]. Тем не менее значение данного понятия как последовательного поступательного прогрессивного изменения все более распространялось. Усилиями Кондорсе, Канта, Гердера и других известных философов и историков словосочетание «социальное развитие» стали употреблять в значении продолжения природного и понимать как прогресс – восхождение от низших форм к высшим. Гегель расширил смысл понятия, добавив к нему такие характеристики, как объективность, закономерность, имманентность, телеологичность и духовность/разумность, а Спенсер представил эволюцию движением от однородной бессвязной неопределенности к разнородной связанной определенности. Как констатируют авторы статьи в «Новой философской энциклопедии», «к концу XIX в. идея развития (прежде всего в ее эволюционной форме) прочно внедрилась в концепции истории общества, научного знания, органического и неорганического мира» [Новая... 2010, 397–399]. Очевидно, что продвижение самого понятия коррелировало с развитием как явлением в сферах технической, социальной, политической, научной, культурной жизни.

На первый взгляд, XXI в. в отношении принятия развития как феномена и концепта продолжает предыдущие, однако нельзя не обратить внимание на некоторые нюансы: развитие как увеличение в количественно измеримых экономическом и демографическом аспектах, по-видимому, замедляется [Ликетти 2015, 88, 100, 108–109]. Вместе с тем многие считают, что замедление демографического и экономического роста происходит слишком медленно и надо бы в этом смысле ускориться: на протяжении последних пяти десятилетий самые разные организации и лица от Римского клуба до Клауса Шваба призывают к ограничению, снижению, а то и отказу от роста, т. е., по сути, от развития. Некоторые концептуализируют этот тезис как устойчивое развитие, другие считают, что развитие возможно и при отказе от роста, а третьи рассуждают о постразвитии (postdevelopment) и пропагандируют снижение роста (degrowth).

В связи с этим следует рассмотреть развитие как понятие и явление в направлении от модерна к премодерну, чтобы затем обратиться к постмодерну. В такой ретроспективе чем дальше от нас эпоха, тем более она продолжительна и в то же время менее изучена, почему и требует большего внимания. Конечно, формат статьи обуславливает некоторую эскизность и пунктирность анализа, но порой взгляд с птичьего полета способен дать представление о картине в целом. Для человека, воспринимающего реальность через призму развития, все выглядит развивающимся или неразвивающимся, стагнирующим, а то и регрессирующим в диапазоне от застоя до упадка. Однако резонно задать вопрос, является ли развитие традиционной ценностью. Ответ будет отрицательным, если под традицией мы будем иметь в виду не модерн, а премодерн в целом, обращение к опыту которого, вероятно, способно привести к лучшему пониманию специфики нынешнего пост[пост]модерна.

Старый порядок

Как известно, Западная Европа в экономическом и демографическом отношении достигла уровня Древнего Рима времен его расцвета приблизительно к XVIII в., после чего в 1760–1780-х гг. с началом промышленной революции заработал механизм самообеспечивающегося роста, благодаря которому резко ускорилось политическое, социальное и культурное развитие [Бродель 1992, 582; Щербак 2023, 6–10, 24, 36]. Какой-либо шеллингианско-гегельянской целесообразности, закономерности, необходимости, неизбежности и необратимости в этом феномене не было: самоподдерживающееся развитие в истории есть не норма, а исключение, случайность. Она стала результатом комбинации нескольких факторов, усиливающих друг друга, среди которых называют технологическую креативность, наличие рынка идей, возможность межгосударственных миграций, переход на ископаемое топливо, доступ к ресурсам колоний, различные экологические и демографические особенности и т. д. И в другие периоды европейской истории (например, в XV в.), и в других регионах мира (например, в позднесредневековом Китае) складывались ситуации, при которых могла бы начаться индустриализация, обеспечив устойчивый экономический рост. Однако всякий раз включался механизм отрицательной обратной связи, приводивший к стагнации или упадку. Технический прогресс, экономический рост и устойчивое развитие – это не норма, а отклонение от нее, продукт удачного стечения обстоятельств, случившегося в Западной Европе (еще конкретнее – в Англии) во второй половине XVIII в. [Мокир 2014, 38, 343, 367; Померанц 2017, 125, 495].

Примерно с этого времени (точнее, несколькими десятилетиями ранее) европейские мыслители начали рассуждать о прогрессивном развитии, но довольно своеобразно. У итальянского философа Дж. Вико вещи и идеи совершенствуются от самого их воз-

никновения, обычаи развиваются, люди движутся вперед благодаря развитию ума, нации пребывают в «естественном поступательном движении», которое вместе с тем включает в себя фазы упадка и конца, а руководит всем этим процессом Провидение (именно оно «породило», «создало», «установило», «заставило», «позволило», «допустило» то и это, от гражданского порядка до красноречия) [Вико 1994, 377, 424, 427, 466–467]. Для французского экономиста и философа А.Р.Ж. Тюрго общественное развитие определяется уже не провидением, а производством, которое обуславливает классовое деление и социальное неравенство. Народы господствуют и подчиняются, империи возникают и гибнут, но именно благодаря этому «нравы смягчаются, человеческий разум просвещается, изолированные нации сближаются, торговля и политика соединяют, наконец, все части земного шара. И вся масса человеческого рода, переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и години бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству», рубежом которого было правление Людовиков Четырнадцатого и Пятнадцатого в их блеске и величии, осчастлививших собой Францию и всю вселенную [Тюрго 1937, 51, 72; Тюрго 1961, 100–104]. Известный британский историк Э. Гиббон считал, что человечество поступательно совершенствуется, и «если внешний вид природы не изменится, то ни один народ не возвратится в свое первобытное варварство». Он пришел к «тому приятному заключению, что с каждым веком увеличивались и до сих пор увеличиваются материальные богатства, благосостояние, знания и, быть может, добродетели человеческого рода», и все это в сочинении под названием «История упадка и крушения Римской империи», где он описал «достопамятный ряд переворотов, который в течение почти тринадцати столетий мало-помалу распатывал и наконец разрушил громадное здание человеческого величия» [Гиббон 1994, 15, 526]. Ж.-Ж. Руссо рассуждал о поступательном развитии вещей, последовательном развитии разума и способностей человека, чье родовое свойство – способность к самосовершенствованию, но касательно формы правления демократия у него классически вырождается в охлократию, аристократия – в олигархию, а монархия – в тиранию; политический организм, подобно человеческому, «начинает умирать с самого своего рождения и несет в себе самом причины своего разрушения» [Руссо 1998, 68–71, 83, 274–275]. Здесь просветитель недалеко ушел от Макиавелли, чьи городские республики в случае, если «имеют добрую основу, способную к улучшениям, могут при благоприятном стечении обстоятельств достичь совершенства», но развитие их все равно ходит по кругу одних и тех же форм правления от «самодержавия» до «разнузданности», а «мир всегда остается одинаковым» [Жизнь... 1993, 319–322, 376].

Средние века

Старый режим (Ancien Régime, или дореволюционная Франция) был порядком не самым старым – ему предшествовало Средневековье. Нельзя сказать, что развитие как явление совершенно отсутствовало в течение тысячелетия между Древним миром и Новым светом, однако за периодами подъема неизменно следовали периоды упадка, о чем свидетельствуют количественные показатели площади распаханых земель, численности населения и т. п. Что касается развития как понятия, то некоторые концептуальные его элементы включены в христианскую линейно-историческую модель времени, в котором то, что происходило до Р.Х., – не то, что случилось после. Однако в конце времен для христианина эта линия сворачивается в кольцо: земная история от Сотворения мира до Страшного суда есть цикл, а в истории священной каждому событию Нового завета находится аналог/прообраз в Ветхом, и последние как предвещают, так и предвосхищают первые. В таинствах и праздниках регулярно воспроизводится сакральное время, а во времени

профанном вращается колесо Фортуны, возносящей лишь для того, чтобы затем низвергнуть [Гуревич 1972, 100, 117; Гуревич 1990, 83; Ле Гофф 1992, 155–156, 161]. Средневековое время исторично, но эта история не содержит в себе развития независимо от периодизации: четыре царства Иеронима Стридонского, семь возрастов Августина Иппонийского, три эры Иоахима Флорского – все это не развитие, а развертывание (предначертанного божественного плана) [Гуревич 1972, 115, 119].

Призыв «помни о смерти» (*memento mori*) как лейтмотив душевной жизни – не лучший стимул для развития, ведь согласно ему, если в мире что-то меняется, то эти изменения не к добру: средневековый человек живет в шестом возрасте мира, лучшее осталось позади, человечество одряхлело, люди стали меньше ростом и дурнее лицом, все и всё на пороге смерти и на грани гибели [Блок 1973, 138–140; Ле Гофф 1992, 157–159]. В этом мире любое изменение есть изменение к худшему, ведущее к упадку. Всякое новшество греховно, технические или интеллектуальные новации подлежат осуждению и преследованию, изобретать безнравственно и быть оригинальным недостойно; всё старое/древнее безусловно лучше нового/современного [Гуревич 1972, 112–113; Ле Гофф 1992, 303].

Для Средних веков существование – это не становление, а пребывание. Быть – это быть сопричастным вечности, и неизменное онтологически превосходит изменяющееся. В соответствии с этим историки пишут свои труды «как нечто вневременное, как процесс, в котором повторяются одни и те же модели и нет подлинного развития» [Гуревич 1972, 106, 121; Ле Гофф 1992, 173]. То же и литераторы других жанров: события, произошедшие раньше, и события, произошедшие позже, они и описывают как одновременные, герои рыцарских романов не стареют, в «Песне о Нибелунгах» юные, зрелые и пожилые персонажи остаются точно такими же спустя несколько десятков лет, их характеры не развиваются, не эволюционируют, в агиографии персонажи не знают никакого развития на пути к святости – либо таковыми сразу рождаются, либо в данное состояние внезапно перерождаются [Гуревич 1972, 120–125; Гуревич 1990, 118–121]. «Люди средних веков не безразличны к времени, но они мало восприимчивы к изменению и развитию, – отмечает А.Я. Гуревич. – Стабильность, традиционность, повторяемость – в этих категориях двигалось их сознание, в них же осмыслялось то действительное историческое развитие, которого они так долго не могли ощутить» [Гуревич 1972, 138].

Древний мир

Греко-римская античность в отношении развития как факта и идеи тоже весьма специфична. В некоторых местах в некоторые времена технико-технологическое развитие было столь интенсивным, что эллинистический Египет и Рим периода Поздней республики – ранней Римской империи вплотную приблизились к порогу не только индустриализации, но и модернизации, однако так и не перешагнули его. Блестящие изобретения александрийских инженеров не стали базой промышленной революции; водяной двигатель применяли только для помола зерна, паровую турбину использовали для автоматических игрушек, а насосы, шестерни, винты, болты, рычаги, шкивы применяли и того меньше [Бернал 1956, 130; Бродель 1992, 559–560; Мокир 2014, 58]. Рим эпохи принципата по целому ряду экономических параметров дошел до уровня Нидерландов и Англии начала XVIII в., однако остановился на этом, стагнировал и в дальнейшем регрессировал. Среди причин называют рабовладение, узость рынка сбыта товаров крупного производства, эпидемии, войны, несовершенство политических институтов, предпочтение экстенсивных технологий интенсивным и т. д. Кроме того, слабый интерес к техническим изобретениям и практической адаптации научных открытий, незначительный уровень технологической креативности, низкий

спрос на инновации со стороны государства и частного сектора объясняются ментально-идеологическими факторами [Бернал 1956, 130–137; Щербак 2023, 5–6, 30–33].

Дело в том, что античный человек в принципе воспринимал мир не через изменение и развитие, а через покой / самодовление и вращение / возвращение. По замечанию А.Ф. Лосева, античность не исторична, а астрономична; место истории здесь занимает природа, которая в своей целости, как космос, существует вне времени и вечно возвращается в то же самое состояние [Лосев 1977, 19, 198; Лосев 2000, 72, 559]. Мир космический и мир исторический не статичны, но элементы и души пребывают в круговороте, сменяющие друг друга эпохи довлеют себе, люди стремятся не творить новое, а воспроизводить имеющееся и рассматривают будущее как возвращение настоящего либо прошедшего. Философские первоначала, будь то аристотелевский Нус или платоновско-плотиновские Единое, Ум и Душа, вечны и неизменны, и если движутся, то лишь сами в себе; никакой направленности, стремления к определенной цели в социальном и природном мире нет, никто и ничто не стремится развиваться.

Конечно, нельзя сказать, что античность вовсе не знала идеи развития; исключения есть, но они таковы, что, скорее, подтверждают правило. Уже в греческой мифологии присутствуют моменты, связанные с идеей прогресса, однако он оценивается весьма неоднозначно: «Прометей вместе с огнем принес людям горе и страдания, а Дедал, потеряв Икара, проклял свое искусство» [Кессиди 2003, 39]. У Гесиода имеется теогоническая концепция восхождения от дикости и стихийности Урана к порядку и справедливости Зевса, но его повествование о пяти родах людей от золотых до железных являет собой картину не прогресса, а регресса, к тому же это цикл, который должен повторяться бесконечно [Нисбет 2020, 47–50]. Метафизическое учение Аристотеля о четырех причинах бытия вещи – это, безусловно, учение о развитии, но только об органическом; что касается общественного / исторического развития, то соответствующих идей Стагирит не касался [Лосев 1977, 20–23]. Более или менее отчетливо о прогрессе человеческой цивилизации рассуждали атомисты, но их объяснение возникновения, движения, изменения и исчезновения вещей рекомбинацией атомов в пустоте никак этот прогресс не объясняло, а у Лукреция картина движения от дикости к цивилизации есть в сущности картина регресса, так как мир стареет, земля истощается, людям живется тяжелее, а впереди всех ожидает гибель.

За пределами философской рефлексии развития и того меньше. Мифологические боги и богини, герои и героини вечно молоды, понятие возраста к ним неприменимо, имея детей и внуков, они вступают в браки с молодыми и обзаводятся очередным потомством. Как замечает О.М. Фрейденберг, и «к греческой литературе неприменимо так называемое “развитие”» [Фрейденберг 1998, 229]. Архаическая наррация атемпоральна, время в ней – это окаменелое настоящее. В древней логографии рассказ подобен показу, в нем нет начала, конца, связи явлений и сюжетной линии; да и в позднейших мимах отсутствует действие – это не процессы, а картины. В древней аттической комедии, равно как и в ранней трагедии, мелической поэзии и др. события не связаны причинной последовательностью, нет дискурсии, нет развития [Фрейденберг 1998, 371, 373, 463, 466]. Персонажи, мотивы, явления, события – все это статично, точно, паратактивно, как то свойственно мышлению, еще только движущемуся от мифа к понятию, и концепт развития в нем немислим.

Аналогичные особенности характерны в той же и даже большей мере для мышления первых цивилизаций Древнего Востока. Здесь инновации люди осмыслили не как таковые, а как воспроизведение мифологических архетипов, исторические события они возводили к мифологическим же прототипам, причинно-следственные связи воспринимали как личностные силы, и в этом контексте концепция прогрессивного общественно-исторического развития понятным образом не была возможна [Антонова 1984, 35, 189;

Вейнберг 1986, 47]. История, может быть, и началась в Шумере, но там и тогда писцы по образу мышления были весьма далеки от позднейшей историографии [Кramer 1965, 47]. Для шумеров и вавилонян прошлое было «передним», т. е. к нему человек обращен лицом, в то время как будущее мыслилось находящимся за спиной [Антонова 1984, 194; Вейнберг 1986, 70]. Двигаясь в будущее спиной вперед, о развитии не помыслишь; да и не было в мифологическом мышлении подходящих для этого средств и условий.

Первобытное общество

Первобытное / примитивное / мифологическое мышление нередко сравнивают с детским, и здесь, действительно, можно проследить явные параллели [Мелетинский 2000, 164, 173]. Согласно Ж. Пиаже, детская речь паратактивна: «и» в ней заменяет «потому что», соположение преобладает над подчинением. Детскому мышлению причинно-следственные объяснения и логические обоснования не свойственны, оно синкретично, а не синтетично (и не аналитично). Вместо дедукции и индукции у ребенка преобладает трансдукция, он рассуждает не от общего к частному и не от частного к общему, а от единичного к единичному и от специального к специальному. При этом синкретизм и паратактивность есть две стороны одного явления: если все связано со всем, то ничто ни с чем не связано [Пиаже 1994, 232–237, 333–334, 367–368]. Аналогично в мифологическом мышлении унитивность предполагает аддитивность: здесь господствует принцип «всё есть всё», причем это «всё» представляет собой конгломерат отдельных независимых друг от друга единиц. С одной стороны, все вещи единосущны / консубстанциальны, они не только могут превращаться во все иные, но и есть все эти иные в одно и то же время и в одном и том же отношении. Предмет и символ, часть и целое, земля и небо, жизнь и смерть, лицо и орудие, субъект и объект есть одно и то же [Леви-Брюль 1937, 128, 172; Лосев 1957, 12–13, 54, 150, 212, 401]. С другой стороны, мир представляет собой не систему, а сумму, и отражение его в сознании человека организовано так же. Связность вещей и явлений при этом есть не более чем смежность: миф антикаузален, это система представлений с антикаузальной конструкцией, где отсутствует причинно-следственное построение [Фрейдсберг 1998, 24, 57].

В первобытном обществе, если ты родился, то это еще не свидетельствует ни о том, что ты действительно родился, ни о том, что родился действительно ты. С одной стороны, рождение часто понимали как реинкарнацию, когда новорожденного представляли как вновь родившегося умершего, и его принимали за такого возвращенца, предпринимая специальные меры для того, чтобы определить, кто именно вернулся [Пронн 1976, 215, 240]. С другой стороны, не только новорожденного, но и двух-трехлетнего и даже пяти-шестилетнего ребенка могли относить к категории вещей, рассматривая как воду, рыбу и т. п., и только номинация – наречение именем – наделяла его личностью [Шипилов 2022, 159]. Это еще не всё: часто в течение жизни человек сменял несколько имен, то есть несколько личностей, и всякий раз новая сущность отличалась от прежней. Наконец, становление человеком в полном смысле этого слова предполагает социализацию посредством одной или нескольких инициаций, которые осмысляются «как ликвидация старого состояния и новое начало, смерть и новое рождение» [Мелетинский 2000, 226]. Предполагалось, что во время обряда иницируемый умирал (его поглощали, пожирали разные чудовища, сжигали, варили, жарили, разрубали на части и т. п.) и затем он воскресал уже новым человеком. При подобных обрядах несложно было погибнуть на самом деле, так как инициация включала в себя длительные голодовки, истязания, пытки, членовредительство, принятие ядов, телесный контакт с труппами, иногда каннибализм и пр. В результате иницируемый

мог приходить в умоисступление, терять память, забывать дом, родителей, собственное имя и тем самым убеждаться в том, что он умер и вернулся другим человеком; со своей стороны, родители и окружающие тоже делали вид, что не узнают его, что он другой человек с другим именем [Пропн 1946, 43–44, 74–85, 120–121].

Какое все это имеет отношению к развитию? Самое отрицательное и даже исключаящее. Чтобы развиваться, нужно прежде всего быть собой, а если всё есть всё, то ничто не есть ничто. Быть – это отличаться от иного синхронно и от себя диахронно, не отличаясь от иного диахронно и от себя синхронно; отличаясь от иного, отождествляешь себя с собой, отличаясь от себя, отождествляешь себя с иным. Здесь не так: и синхронно, и диахронно всё есть всё, а одно не есть одно. Если человек и общество слабо отличаются от других, но сильно отличаются от себя, то чему/кому здесь развиваться? Объект не отделен от других, субъект разделен на другие, и нет того, что менялось бы, оставаясь собой. Кроме того, не способствовала развитию как идее и слабость причинно-следственного мышления. Конечно, развитие как явление материально-технической и вообще культурной сферы в собственно и условно первобытном обществе присутствовало; кумуляция, дифференциация, интеграция, рост, расширение, улучшение и пр., что попадает под категорию развития, происходили, но чрезвычайно медленно, так что изменения были несопоставимы со сроками жизни человека, одного или нескольких поколений. Поэтому развитие не замечали, его не рефлексировали и тем более не считали ценностью и целью. Д.Л. Эверетт, проживший много лет среди индейцев пираха, замечает, что «у нас, в индустриальной культуре, успех хотя бы частично приравнивается к постоянному прогрессу орудий и техники. Но у пираха такого прогресса нет, и они его не хотят» [Эверетт 2016, 94].

Чтобы развиваться, для начала нужно существовать, но в наиболее примитивных мифологиях у существования нет начала. Точнее сказать, у наиболее примитивных племен, таких как карибы, дайери, арунта, космогонический миф просто отсутствует как таковой: всё существующее мыслится существующим всегда, всё происходящее происходит само собой [Шахнович 1971, 118–122]. Д.Л. Эверетт свидетельствует, что, несмотря на все усилия, ему не удалось обнаружить у пираха мифов о сотворении мира [Эверетт 2016, 145]. Согласно Б. Малиновскому, тробрианцы, широко практиковавшие магию, последнюю не воспринимали как сотворенную или изобретенную, а мыслили существующей всегда и неизменно [Малиновский 2004, 395–399; Малиновский 2015, 74, 138].

В примитивных обществах если даже представления о космогенезе, равно как о антропо-, социо- и культурогенезе наличествуют, то идея развития в них отсутствует. У тех же тробрианцев люди вышли из-под земли, где вели существование, во всех деталях подобное дальнейшему земному; всю культуру они принесли с собой готовой, будь то орудия, навыки, украшения, обычаи или законы [Малиновский 2004, 307; Малиновский 2015, 109–111]. Если происхождение чего- или кого-либо не автогенетическое, то культурные герои и демиурги не производят и тем паче не модифицируют эти блага (огонь, свет, вода, злаки, производственно-магические приемы и т. п.), они их добывают – находят, похищают, перемещают – в готовом виде (в этом, как считается, находит свое выражение специфика присваивающего хозяйства); лишь иногда им приходится доделывать полуфабрикат, например заготовки первых людей в виде личинок или кусков дерева [Мелетинский 1968, 166–167, 232].

Коль в мифе что-то или всё произошло, оно не склонно к изменению и тем более к развитию. Мифологические (частью и сказочные) вещи и люди, будучи рожденными / созданными/произведенными, мгновенно приходят в состояние полной готовности, чтобы перманентно пребывать в нем: пальмы или ореховые деревья вырастают и начинают плодоносить за несколько часов, младенцы становятся взрослыми за несколько дней [Леви-Брюль 1937,

321–322, 427, 487]. Если мифологические реалии изменяются, то при этом они не развиваются от одного состояния к другому, а превращаются, метаморфируют друг в друга, и это скорее флуктуации, чем направленное движение [Леви-Брюль 1937, 321; Лосев 1957, 12; Мелетинский 2000, 48]. Последнее появляется только в позднем эсхатологическом мифе, выступающем своего рода инверсией космогонического, но в конечном счете это чаще всего цикл, где за возвратом в хаос следует новый космос, и если развитие подразумевает необратимость изменения, то это не развитие [Мелетинский 2000, 73–74, 154–155, 224]. «Мы видели, что идея исторического развития остается совершенно чуждой этим первобытным существам, – замечает Л. Леви-Брюль о людях примитивных обществ. – Тем больше оснований для отсутствия у них идеи прогресса. <...> Каково бы ни было развитие их цивилизации, идея прогресса их даже не задевает» [Леви-Брюль 1937, 326–327].

* * *

Насколько идея исторического развития, идея прогресса задевает нас? Насколько развитие остается целью и ценностью, и каковы его перспективы как идеи и факта в ближайшем, среднесрочном, отдаленном будущем? Вопросительные знаки здесь стоят неспроста, так как ситуация видится не столь однозначной, как могло бы показаться на первый взгляд. Развитие как наблюдаемый факт и осознаваемая идея есть не традиция, а новация по большей части двух-трехвековой давности, что составляет менее полутора сотых процента истории человечества на Земле.

Перспективы демографического и экономического роста как по объективным причинам, так и вследствие целенаправленной деятельности различных групп, партий и движений начинают выглядеть неопределенными. К тому же в последние десятилетия все чаще предметом обсуждения становятся феномены реархаизации социальных практик и ремифологизации общественного сознания, в силу чего постмодерн все более уподобляется премодерну. Представляется, что результатом тотального внедрения телекоммуникационных технологий и повсеместного распространения «зеленой повестки» может стать не только замедление темпов экономического роста, но и остановка социального прогресса. Как относиться к этому? Вопрос остается открытым. Может быть, настало время задуматься о возможных альтернативах развитию?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антонова Е.В. (1984) Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука. 264 с.
- Antonova E.V. (1984) *Oчерки kul'tury drevnih zemledel'cev Perednej i Srednej Azii. Opyt rekonstrukcii mirovospriyatija* [Essays on the culture of ancient farmers of Western and Central Asia. The experience of world perception reconstruction]. Moscow: Nauka. 264 p. (In Russ.).
- Бернал Дж. (1956) Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы. 735 с.
- Bernal J. (1956) *Nauka v istorii obshchestva* [Science in History]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 735 p. (In Russ.).
- Блок М. (1973) Апология истории. М.: Наука. 230 с.
- Blok M. (1957) *Harakternye cherty francuzskoj agrarnoj istorii* [The original characters of French rural history]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 314 p. (In Russ.).
- Бродель Ф. (1992) Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс. 679 с.

- Braudel F. (1992) *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremja mira* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 3: The Perspective of the World]. Moscow: Progress. 679 p. (In Russ.).
- Вейнберг И.П. (1986) Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 208 с.
- Vejnberg I.P. (1986) *Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka* [Man and Culture in the Ancient Orient]. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka». 208 p. (In Russ.).
- Вико Д. (1994) Основания новой науки. М.–Киев: REFL-book – «ИСА». 656 с.
- Vico D. (1994) *Osnovanija novoj nauki* [The New Science]. Moscow–Kyiv: «REFL-book» – «ISA». 656 p. (In Russ.).
- Виноградов В.В. (1999) История слов. М.: Институт русского языка РАН. 1138 с.
- Vinogradov V.V. (1999) *Istorija slov* [History of words]. – Moscow: Institut russkogo jazyka RAN. 1138 p. (In Russ.).
- Гиббон Э. (1994) История упадка и крушения Римской империи. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура». 526 с.
- Gibbon E. (1994) *Istorija upadka i krushenija Rimskoj imperii* [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Kul'tura». 526 p. (In Russ.).
- Гуревич А.Я. (1972) Категории средневековой культуры. М.: «Искусство». 318 с.
- Gurevich A.Ja. (1972) *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo. 318 p. (In Russ.).
- Гуревич А.Я. (1990) Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство. 396 с.
- Gurevich A.Ja. (1990) *Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolvstvujushhego bol'shinstva* [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo. 396 p. (In Russ.).
- Жизнь Никколо Макьявелли (1993). СПб.: Лениздат. 413 с.
- Zhizn' Nikkolo Mak'javelli* [Life of Niccolo Machiavelli] (1993). St. Petersburg: Lenizdat. 413 p. (In Russ.).
- Кессиди Ф. (2003) От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя. 360 с.
- Kessidi F.H. (2003). *Ot mifa k logosu* [From myth to logos]. St. Petersburg: Aletejja. 360 p. (In Russ.).
- Краммер С. (1965) История начинается в Шумере. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 256 с.
- Kramer S. (1965) *Istorija nachinaetsja v Shumere* [History Begins at Sumer]. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka». 256 p. (In Russ.).
- Ле Гофф Ж. (1992) Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия. 376 с.
- Le Goff J. (1992) *Civilizacija srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa Progress, Progress-Akademija. 376 p. (In Russ.).
- Леви-Брюль Л. (1937) Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ. 533 с.
- Lévy-Bruhl L. (1937) *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow: OGIZ. 533 p. (In Russ.).
- Лосев А.Ф. (1957) Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз. 617 с.
- Losev A.F. (1957). *Antichnaja mifologija v ee istoricheskom razvitii* [Ancient mythology in its historical development]. Moscow: Uchpedgiz. 617 p. (In Russ.).
- Лосев А.Ф. (1977) Античная философия истории. М.: Наука. 206 с.
- Losev A.F. (1977) *Antichnaja filosofija istorii* [Ancient philosophy of history]. Moscow: Nauka. 206 p. (In Russ.).
- Лосев А.Ф. (2000) История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Издательство АСТ; Харьков: Фолио. 624 с.

- Losev A.F. (2000) *Istorija antichnoj jestetiki. Rannjaja klassika* [History of ancient aesthetics. Early Classic]. Moscow: Izdatel'stvo AST; Har'kov: Folio. 624 p. (In Russ.).
- Малиновский Б. (2004) Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 552 с.
- Malinovski B. (2004) *Izbrannoe: Argonavty zapadnoj chasti Tihogo okeana* [Selected: Argonauts of the Western Pacific]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN). 552 p. (In Russ.).
- Малиновский Б. (2015) Магия, наука и религия. М.: Академический проект. 298 с.
- Malinovski B. (2015) *Magija, nauka i religija* [Magic, Science and Religion and Other Essays]. Moscow: Akademicheskij projekt. 298 p. (In Russ.).
- Мелетинский Б.М. (2000) Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 407 с.
- Meletinskij B.M. (2000) *Pojetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 407 p. (In Russ.).
- Мелетинский Е.М. (1968) «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука. 364 с.
- Meletinskij E.M. (1968) *«Jedda» i rannie formy jeposa* [«Edda» and early forms of epic]. Moscow: Nauka. 364 p. (In Russ.).
- Мокир Дж. (2014) Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Издательство Института Гайдара. 504 с.
- Mokyr J. (2014) *Rychag bogatstva. Tehnologicheskaja kreativnost' i jekonomicheskij progress* [The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 504 p. (In Russ.).
- Нисбет Р. (2020) Прогресс: история идеи. М.; Челябинск: Социум. 558 с.
- Nisbett R. (2020) *Progress: istorija idei* [History of the Idea of Progress]. Moscow; Cheljabinsk: Socium. 558 p. (In Russ.).
- Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. III. (2010). М.: Мысль. 692 с.
- Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. T. III* (2010) [New Encyclopedia of Philosophy: In 4 volumes. Vol. III]. Moscow: Mysl'. 692 p. (In Russ.).
- Пиаже Ж. (1994) Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс. 528 с.
- Piaget J. (1994). *Rech' i myshlenie rebenka* [The Language and Thought of the Child]. Moscow: Pedagogika-Press. 528 p. (In Russ.).
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Press. 592 p. (In Russ.).
- Померанц К. (2017) Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Издательский дом «Дело». 592 с.
- Pomeranz K. (2017) *Velikoe rashozhdenie: Kitaj, Evropa i sozdanie sovremennoj mirovoj jekonomiki* [The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Global Economy]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo». 592 p. (In Russ.).
- Пропп В.Я. (1946) Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ. 340 с.
- Propp V.Ja. (1946) *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad: LGU. 340 p. (In Russ.).
- Пропп В.Я. (1976) Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука. 330 с.
- Propp V.Ja. (1976) *Fol'klor i dejstvitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow: Nauka. 330 p. (In Russ.).
- Руссо Ж.Ж. (1998) Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-пресс, Кучково поле. 416 с.
- Rousseau J-J. (1998) *Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty* [The Social Contract. Treatises]. Moscow: Kanon-press, Kuch-kovo pole. 416 p. (In Russ.).
- Тюрго А.Р. (1937) Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 187 с.

Turgot A.R. (1937) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Writings]. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo. 187 p. (In Russ.).

Тюрго А.Р. (1961) Избранные экономические произведения. М.: Издательство социально-экономической литературы. 198 с.

Turgot A.R. (1961) *Izbrannye jekonomicheskie proizvedeniya* [Selected Economic Writings]. Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoy literatury. 198 p. (In Russ.).

Фрейдсберг О.М. (1998) Миф и литература древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 800 с.

Frejdenberg O.M. (1998) *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 800 p. (In Russ.).

Шахнович М.И. (1971) Первобытная мифология и философия. Л.: Наука. 240 с.

Shakhnovich M.I. (1971) *Pervobytnaja mifologija i filosofija* [Primitive Mythology and Philosophy]. Leningrad: Nauka. 240 p. (In Russ.).

Шипилов А.В. (2022) До и после современности. М.: Прогресс-Традиция. 240 с.

Shipilov A.V. (2022) *Do i posle sovremennosti* [Before and After Modernity]. Moscow: Progress-Tradiciya. 240 p. (In Russ.).

Щербак А.Н. (2023) Первый блин комом: почему не случилась модернизация в Древнем Риме? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 38 с.

Shherbak A.N. (2023) *Pervyj blin komom: pochemu ne sluchilas' modernizacija v Drevnem Rime?* [The first pancake is lumpy: why didn't modernization happen in Ancient Rome?] St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 38 p. (In Russ.).

Эверетт Д.Л. (2016) Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: Издательский Дом ЯСК. 384 с.

Everett D.L. (2016) *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indejcev amazonskih dzhunglej* [Don't Sleep, There Are Snakes. Life and Language in The Amazonian Jungle]. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK. 384 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Шипилов Андрей Васильевич, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, экономики и социально-экономических дисциплин Воронежского государственного педагогического университета. Адрес: 394043, Россия, Воронеж, ул. Ленина, д. 86. E-mail: andshipilo@yandex.ru

About the author

Andrey V. Shipilov, Doctor of Sciences (Culturology), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University. Address: 394043, 86, Lenina st., Voronezh, Russia. E-mail: andshipilo@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 20.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 02.12.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024